

ВЛАДИМИР
ГОРАЛЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

В ТАЕЖНЫХ
ТОНАХ

18+

Владимир Владимирович Гораль

Нуар в таёжных тонах

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50537701

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-07813-0

Аннотация

Роман «Нуар в таёжных тонах» (Дознание капитана Сташевича) готов зацепить разного читателя. Он будет интересен тем, кого всё еще волнуют события самой страшной войны XX века. При этом «Нуар» еще и мистический детектив. В центре сюжета – расследование преступления в лагере для немецких военнопленных "Бирюслаг". В роли сыщика – образованный и рациональный капитан Сташевич. Роман легко читается, читатель видит историю, как кинофильм, где крупный план сменяется планом отдельных деталей. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	5
Часть первая	17
Глава первая. Капитан Сташевич	17
Глава вторая. Майор Бабр	25
Глава третья. Бирюслаг	38
Глава четвёртая. Младший лейтенант Рогозин	45
Глава пятая. Бабр сердится	50
Глава шестая. Начпрод Гришаня	54
Глава седьмая. Военнопленный Бравен	58
Глава восьмая. Лагерный старшина Шнитке	65
Конец ознакомительного фрагмента.	69

*Так ждут нас наши мёртвые в могилах,
Как дети у забора в детсаду...*

Инна Кабыш

Пролог

Вальтер фон Бравен

Декабрь 1941-го

Последнее Рождество выдалось исключительно ужасным. Да что там говорить – до крайности разочаровывающим оно выдалось. Гений германской военной мысли, архистратиг фюрера, генерал-фельдмаршал фон Бок¹ накануне нового сорок второго года не сдержал своего слова. Его доблестные офицеры так и не удостоились победного новогоднего рейхс-приёма в московском Кремле. Не прошлись они по Красной площади и не попали в тепло лучших домов побежденного стольного града.

Москва не пала. Тринадцатый танковый полк, в который входил разведывательный взвод фон Бравена, понёс на подступах к столице тяжёлые потери. Практически разгромленные войска русских неожиданно контратаковали, и под мощными ударами рыцари фюрера дрогнули. Непобедимые, вместе с пехотой и другими германскими частями, закованные в танковую броню воины вынуждены теперь спешно «следовать на переформирование» под Смоленск. Да что там следовать! Честно говоря, это называется просто – драпать.

– И откуда они свалились на нас? Чёртовы «свежие сибир-

¹ **Генерал-фельдмаршал фон Бок** (1880–1945) – командующий группы армий «Центр» при вторжении в СССР и наступлении на Москву осенью 1941 года.

ские дивизии Сталина», – устало кривил губы Вальтер фон Бравен и с горькой усмешкой отвечал сам себе: – Понятно откуда, из Сибири. При одном взгляде на карту содрогаётся цивилизованная европейская душа. Как же огромна, как необъятна эта русская Сибирь! Настоящий лесной океан...

Холодно Вальтеру, очень холодно. Только его механику-водителю тепло. Парню повезло, его греет работающий мотор. Топливо в панцервагене² почти на пределе, поэтому Вальтер запретил экипажу включать обогрев танковой башни. Вальтеру фон Бравену всего лишь двадцать два года, но он не мальчишка. Вальтер – германский офицер. Звание: обер-лейтенант. Должность: командир разведывательного взвода лёгких танков «Лухс»³.

Все последние сутки взвод Вальтера месил ледяную грязь на какой-то глухой дороге, затерянной в смоленских лесах. Наконец, на остатках топлива три железных «Рыси» фон Бравена осторожно выползли из чащи, буквально «прокрались» на лесную опушку. Вальтер в бинокль принялся внимательно изучать деревеньку, маячащую за снежным полем. Впрочем, деревенькой назвать это зрелище было трудно – только чёрные остовы домов виделись вдали. Скорее всего, деревню еще летом сожгли то ли бандиты-партизаны, то ли

² **Панцерваген** (нем. Panzerwagen) – название броневедомобиля или лёгкого танка в разговорной форме.

³ «**Лухс**», или «Люкс» (нем. Luchs – рысь; полное обозначение – Panzerkampfwagen II Ausführung L «Luchs») – немецкий лёгкий танк Второй мировой войны, разработанный в 1940–1942 гг. фирмами Daimler-Benz и MAN.

отступавшие от Смоленска русские части.

– Ничего нового, всё логично, – хмыкнул себе под нос Вальтер и пожал плечами. – Не далее как вчера, отступая от Москвы, наши парни делали то же самое с русскими деревнями. Если успевали, конечно.

Через цейсовскую оптику обер-лейтенант разглядел три хибары на краю села. Тронутые огнём, покосившиеся от близких разрывов, они были всё же целые. Опустив бинокль, он приказал двоим подчинённым разведать обстановку.

Вскоре старший танкист со смешной фамилией Нахтигаль⁴ и не менее забавным прозвищем Нахти бодро отрапортовал:

– Разрешите доложить, герр обер-лейтенант! Деревня практически пуста!

Молоденький, рыжий и веснушчатый Нахти поправил утеплённый шлемофон, постоянно сползающий на глаза. Продемонстрировав симпатичные ямочки на конопатых щеках, старший танкист улыбнулся:

– Правду сказать, на краю деревни нашлись три русских тётки. В единственном уцелевшем доме нашлись. Но, осмелюсь предположить, они не опасны.

По радиации удалось связаться со Смоленском. Из ставки командования сообщили, что контрнаступление русских приостановлено, и пообещали доставить горючее в течение суток. Это было весьма кстати, поскольку топлива оставалось

⁴ **Нахтигаль** (нем. *Nachtigall*) – соловей.

на полчаса хода, да и только в баках командирской машины.

Приказав двоим солдатам охранять танки, с десятком других Вальтер отправился в деревню. Обстановка единственного уцелевшего дома выглядела весьма убого. Да что там убого – просто ужасно! Грязь, вонь, запустение. При виде немецких солдат три женщины, закутанные в бесформенные ватники и платки, впали в ужас и забились в дальний угол. Вдобавок ко всему в доме отчаянно мекала настоящая живая коза. Бродя по избе, она с перепугу роняла помёт на затоптанный деревянный пол.

Но главное – внутри было тепло. Старая русская печь в центре жилища грела это убогое помещение вполне сносно.

– Разрешите доложить, герр обер-лейтенант! – раздался над ухом Вальтера возбуждённый и по-мальчишески звонкий голос вездесущего Нахти. – Рядом с домом имеется пристройка. Это деревенская баня. Я проверил, печь там исправна. Так, может быть, мы?..

Поначалу Вальтер хотел отправить замызганных русских баб именно в эту баню. Идеологические предрассудки, которыми молодой офицер и наследственный аристократ особенно не страдал, здесь были ни при чём.

«Не оставлять же их в доме рядом с голодными во всех отношениях солдатами, – подумал он. – Какие ни есть, а всё-таки это женщины!»

Поразмыслив, однако, офицер пришёл к другому выводу. Ведь в данный момент даже он, юный барон фон Бравен,

представляет собой далеко не лучший образец телесной чистоты. А потому незапланированная помывка стала бы настоящим подарком судьбы для него и его людей.

На ломаном русском Вальтеру удалось объяснить бестолковым тёткам, чего от них требуется. У немцев нашлось мыло, а у баб вёдра и даже пара жестяных тазов со странным названием «шайки». Воды хватало, хоть залейся. Благо тонны снега под рукой, его лишь натаять побольше.

Солдаты быстро наладили процесс помывки. И часовых в лесу не забыли, первые же чистые парни их сменили. Дождавшись последнего танкиста, Вальтер сам, наконец, отправился в баню.

Русская парилка оказалась настоящим чудом. Особенно на фоне прошлого месяца, когда целыми неделями приходилось довольствоваться кипятком из чайника, а чаще простым обтиранием посредством наодеколоненных тряпок.

– Как противоестественна война... И как, черт побери, ценны простые радости жизни! – расслабленно философствовал фон Бравен, сладостно развалившись на скамейке предбанника. После влажного жара парной даже мысли текли вяло и неторопливо.

Через час он сидел в избе, на деревянной лавочке у стола. Солдаты спали беспробудным сном, отчаянно демаскируя своё местоположение молодецким храпом. Предвкушая скорую подмогу, они с лёгкой душой умяли весь оставшийся сухпаёк. По такому случаю у танкистов нашлась и пара фля-

жек со спиртным, ужасно пахнущим и убийственно крепким русским шнапсом. Мутная огненная вода здесь называлась «самогон». Парни не забыли оставить любимому командиру его законные сто пятьдесят граммов. Свою порцию Вальтер лихо приговорил залпом, как делают это местные.

С непривычки задохнулся, нутряной пожар пришлось заливать остывшим кипятком из чайника. Белый бок русской печи поплыл перед глазами – хмель резко ударил в голову. Покрутив мятую пачку сигарет, обер-лейтенант полез в карман за зажигалкой. Там ее не оказалось, и он принялся шарить по карманам френча. Зажигалка у него была приметная, серебряная. Неужели выронил по дороге? Потерять подарок отца было бы нехорошо.

Захмелевший Вальтер вспомнил своего весёлого молодого и красивого родителя, и сердце его сжалось от сентиментального сыновнего чувства. Старший барон фон Бравен воевал где-то за Киевом. Обер-лейтенант не сомневался, что отец прошел Украину так же доблестно, как и всю французскую кампанию.

При повторном обыске карманов зажигалка не обнаружилась.

– Шайзе! – разозлился фон Бравен-младший, поднимаясь. – Наверняка она выпала в этой чёртовой бане.

На дворе смеркалось, зимний вечер пришёл рано. Вальтер перешагнул порог приземистого домика. Через маленькое слюдяное окошко свет почти не проникал, пришлось на-

гибаться. Пошарив на полу, офицер нащупал дорогую сердцу потерю и с облегчением опустился на скамью.

В предбаннике было всё ещё жарко. Но удивило не это – из парилки донёсся плеск. Следом зашипела вода, выплеснутая на раскалённую каменку. Вальтер замер, когда тонкий девичий голосок, отчаянно фальшивя, тихонько запел:

*Много песен поет наш советский народ
Над полями, лесами густыми.
В каждой песне звучит, в каждой песне живет
Всенародное Сталина имя.*

Вальтер осторожно приоткрыл дверь в парную. В клубах густого горячего тумана он увидел голую мокрую девчонку, сидящую на полке. Худенькая девушка показалась ему стройной, несмотря на костлявые ключицы и маленькие острые груди. Незваное и необузданное желание внезапно захватило двадцатидвухлетнего Вальтера. Оно властно овладело телом, заставив содрогнуться душу. Это походило на мгновенное действие русского самогона, хмель которого он совсем недавно испытал.

Юный фон Бравен будто раздвоился.

– Это постыдно! Подумай о чести, – кричала прямо в мозг одна его часть.

– А какого чёрта? Давай возьми своё, парень! – глумливо ухмылялась в ответ другая. – Идёт война. Ты можешь в любую минуту сгинуть в небытие. Идиот, хочешь умереть дев-

ственником?

С непонятной самому себе злобой Вальтер скинул одежду, чтобы без раздумий шагнуть в парную. Девчонка испуганно взвизгнула, а затем сторяча метнулась к маленькому окошку, едва освещающему пространство приземистой бани. Вальтер поймал ее за скользкую мокрую руку, схватил и потянул к себе. Девушка принялась отчаянно отбиваться, но силы были неравны.

Сопrotивляясь изо всех сил, она поскользнулась и с размаху грохнулась на пол. По инерции жертва потянула за собой и насильника. Вальтер не стал медлить. Он резко и грубо вошёл в девушку. Та захлебнулась криком боли, но Вальтер, яростно выругавшись, зажал ей рот мокрой ладонью. Раз за разом, отдыхая лишь короткие минуты, он овладевал девчонкой. Несчастная жертва давно перестала сопротивляться. Стиснув зубы, она лежала под ним молча. Только лишь в момент очередного бурного оргазма Вальтера по обнажённому девичьему телу пробежала неподконтрольная ей ответная дрожь.

Светало. Среди спящих солдат в тёмной избе, пропахшей потом и козым помётом, сидели насильник и его жертва. Каменным изваянием девчонка примостилась на другом конце лавки. От предложения покушать она отказалась. Впрочем, фон Бравену удалось впихнуть в неё полкругляша «военного» шоколада. Для этого пришлось применить силу. Следом, также насильно, он влил в рот девушки остатки трофейного

самогона.

– Как тебя зовут? – мучимый раскаянием, запоздало поинтересовался Вальтер.

– Даша её зовут! Дарья Михайловна Громова, – раздался из темноты хриплый женский голос.

Закутанная в тёплое тряпье бесформенная фигура возникла из дальнего угла. Резким выстрелом в тишине прозвучала пощёчина. В то же мгновение распахнулась дверь, и в избу в клубах морозного пара ввалился старший танкист Нахти.

– Ахтунг! – заполошным фальцетом заорал солдат. – Герр обер-лейтенант! Русские!

Как ему удалось долететь до опушки леса, Вальтер и сам не помнил. Полуодетым солдатам, бежавшим следом за своим командиром, так не повезло – их окружили посреди заснеженного поля. Высунувшись из танкового люка, фон Бравен наблюдал теперь в бинокль за двумя десятками русских кавалеристов. Его парни стояли тесной кучкой. Так и замерли с лицами блее снега под их ногами.

Вокруг пленников картинно гарцевали на своих огромных лошадях конные русские. Кавалеристы и одеты были чересчур картинно: сверкающие сапоги со шпорами; новые синие галифе; роскошные чёрные и белые бурки; барашковые, с красным верхом папахи.

Один из конников, юный черноусый красавец, поддел шлемофон на голове насмерть перепуганного Нахти. Сделал

это он ловко, кончиком длинной и чуть изогнутой на конце сабли. Обнаженная алая рыжина волос Нахти вспыхнула ярким пламенем. С беззвучным для Вальтера смехом усатый молодец подбросил добычу в воздух и тут же поймал её на кончик сверкающей сабли. С дальней, противоположной от Вальтера стороны, на опушке леса показался одинокий верховой. Великолепный вороной конь под ним нетерпеливо пританцовывал и прядал ушами. Всадник принялся внимательно разглядывать в бинокль именно то место, где сейчас находился танк Вальтера.

– Генерал Доватор⁵ здесь! Взвод, смирно! – со стороны группы конников донёсся возглас, едва различимый на таком расстоянии.

Приветствуя начальство, всадники быстро, с необыкновенной сноровкой выстроили своих коней в одну линию. Однако командира их показательный парад не интересовал. Сверкая стёклами бинокля, он вытянул руку вперёд.

– Указывает на меня! – холодея от ужаса, словно в кошмарном сне, понял Вальтер.

Генерал что-то прокричал своим бойцам, и обер-лейтенант не стал медлить. Нырнул в башню и, прощёлкав несколько осечек, выпустил в сторону русских длинную очередь из пулемёта. Прильнув с биноклем к амбразуре, Валь-

⁵ **Доватор Лев Михайлович** (1903–1941) – легендарный кавалерист времён начального этапа Великой Отечественной войны. Генерал-майор. Руководил конными рейдами по немецким тылам при обороне Москвы и контрнаступлении зимой 1941 года. Погиб в ходе очередного рейда в декабре 1941 года.

тер увидел несущихся к нему всадников. На заднем плане русский командир, сжимая в руке бесполезный бинокль, безжизненно лежал у ног своего вороного. Всё с той же нарочитой картинностью белый снег вокруг его тела быстро темнел, стремительно превращаясь в чёрный.

Вальтер перевёл взгляд на своих танкистов. Зря он это сделал – такое остаётся с человеком до конца жизни. Позже фон Бравен узнал, как называется эта русская казачья сабля. Шашка – вот как она называется. Красиво сверкая в лучах рассветного солнца, летала шашка юного усача над головами пленных немцев. Вот распался на две аккуратных половинки чей-то несчастный череп, фонтан алой крови забил из шейных артерий. Мелькнула в воздухе чья-то отсечённая рука с чёрной полоской часов на запястье. Мелькнула и приземлилась на исполосованный красным снег.

В беспамятстве, действуя как автомат, Вальтер завёл двигатель. По счастливому везению, тот сразу взял обороты, несмотря на мороз. Бронированная «Рысь» в яростном отчаянии выпрыгнула из леса на заснеженное поле. Легкий танк, лязгая траками, стремительно понёсся вперёд, навстречу летящим к нему всадникам. Увидев перед собой самоходное боевое железо, неуязвимое для кавалерии, русские резко осадили своих скакунов, чтобы мгновенно рассыпаться по полю. Последнее, что случайно заметил в трясущейся перед глазами амбразуре Вальтер, была огненно-рыжая голова Нахти на окровавленном снегу. Веснушчатое лицо и пол-

ные недоуменного ужаса голубые глаза мальчишки были обращены к небу.

– Где Я? Где теперь Я? – тщетно вопрошали эти глаза равнодушную бездонную синь.

Часть первая

Бирюслаг

Глава первая. Капитан Сташевич (Сын за отца)

Ноябрь 1946-го

Андрей Сташевич, двадцатишестилетний демобилизованный капитан военной контрразведки Смерш⁶, прибыл в сибирский городок Тайшет. Как и подобает дисциплинированному советскому офицеру, он отметил в гарнизонной комендатуре точно в срок. Ранняя зима завершающегося сорок шестого года здесь была уже в самом разгаре. Как ни крути, а конец ноября для Сибири – это всегда солидный мороз и не менее солидный снег. И пусть эта часть Сибири считается южной...

Москвичу Сташевичу данная бессрочная командировка в Сибирь казалась настоящей ссылкой. И за что? За плечами четыре с лишним года войны. Сначала московское студенческое ополчение. Затем ранение, госпиталь, офицерские курсы армейской контрразведки. Вылазки в немецкий тыл. Два

⁶ Смерш – сокращение от «Смерть шпионам!». В 1943–45 гг. общее название контрразведывательных подразделений СССР в армии и на флоте.

с лишним десятка разоблачённых абверовцев. Четыре ранения. Награды, ордена. И вот тебе, Андрюша, главная благодарность за все заслуги – направление в сибирский ГУЛАГ. На должность заместителя начальника по оперативной работе в лагере для военнопленных.

– А что, капитан? – равнодушно пожал плечами московский майор-кадровик. – Немецкий язык знаешь в совершенстве? Тебе и карты в руки! Служи.

Невеста Андрея, девушка Алина из интеллигентной профессорской семьи, горько проплакала целых два дня. После чего решительно приструнила в своем девичьем сердце большую любовь к жениху и ехать за ним в глухомань отказалась. Не для того ее растили, чтобы отправить к медведям в гости, в неведомый сибирский городок Тайшет.

Бывший университетский наставник, несостоявшийся тесть Андрея, профессор Сергей Зорин был старинным другом семьи Сташевичей. Зорин повёл себя весьма достойно, а по тем страшным временам, можно сказать, отважно, когда Казимира Сташевича, заведующего кафедрой геологии, в тридцать восьмом увезла в небытие «Чёрная Маруся»⁷. Отца упекли за одну лишь принадлежность к польской нации.

На Андрея Сташевича давили как сотрудники «компетентных органов», так и сам декан университета. Угрожая отчислением, он настойчиво советовали отречься от пре-

⁷ «Чёрная Маруся» (он же «чёрный воронок» (жарг.)). Автомобиль для перевозки арестованных в годы сталинских репрессий.

ступного отца, взять девичью фамилию русской матери.

Предложение выглядело просто:

– Всего и делов-то! Был Сташевич, стал Сиротин!

Андрей наотрез отказался. А Зорин же помогал Сташевичам чем мог. Правда, без особой огласки, но поддерживал – морально и, что важнее, материально. И еще он не дал отчислить Андрея из университета, лично за него поручился.

Казимира Сташевича реабилитировали в сороковом, сразу после расстрела бывшего наркома Ежова⁸. Правда, родной НКВД для своей жертвы это доброе дело сделал посмертно. Позже, во время войны, будучи офицером контрразведки, Андрей по странному стечению обстоятельств познакомился с неким Рюминым, лейтенантом Смерша. Тот в тридцать восьмом вёл дело его отца и каким-то чудом уцелел после краха своего шефа.

Десятки его коллег пустили тогда в расход новые бериевские следователи, а этому же повезло, отделался простым понижением. Был себе майором госбезопасности, вот-вот собирался в старшие майоры, а превратился на четвёртом десятке в лейтенанта. Хорошо ещё, что не в младшего. Оно, конечно, не то что в армии. Лейтенант госбезопасности по званию равнялся старшему армейскому лейтенанту, но всё равно обидно.

⁸ **Ежов Николай Иванович** (1895–1940) – нарком внутренних дел СССР в 1936–38 гг. Один из главных организаторов массовых репрессий в СССР 37–38 гг. Расстрелян в 1940 году.

– Ты, Андрюха, хоть и наполовину «пшек», но парень свой, настоящий. Так что делай со мной чего захочешь! – размазывая по щекам пьяные слёзы, шептал ему во фронтовой землянке Рюмин. – Вот возьми и пристрели меня сейчас из моего личного вальтера. Только я твоего батю приговорить не успел. Сердце у него больное было. Он сам в камере умер. Бить – бил, было дело! Так уж полагалось. Но не приговаривал. Кто ж вам, полякам, виноват, что у вас так много родни за границей? У папаши твоего брат двоюродный оказался, какой-то знаменитый на всю Европу доктор по психам. Вот за братца своего он и пострадал. А нечего было отцу твоему знаменитую родню в ихних вражеских Европах плодить!

– О как... Железная логика, – молча слушая пьяного гада, стискивал зубы Андрей. – Да и чему тут удивляться?! Как говаривала мама отца, покойная бабушка Гося: «Czyja siła, tego prawda»⁹.

На фронте всякое бывает, и капитан просто воспользовался случаем. Как-то они вдвоём с Рюминым, не считая шофёра, везли в штаб дивизии важного языка, немецкого оберста¹⁰. Этого ценного фрица их полковые разведчики с превеликим трудом доставили из самого глубокого германского тыла. Оберст этот оказался настолько ценным, что по его душу немцы отрядили целую диверсионную группу. Хотели,

⁹ **Czyja siła, tego prawda** (польск.) – Кто сильнее, тот правее.

¹⁰ **Оберст** (нем.) – полковник.

видимо, отбить. А если не удастся – ликвидировать...

На лесной дороге перед закрытым «Виллисом» Сташевича и Рюмина вдруг откуда ни возьмись возник новенький «Паккард». Из него вышел целый подполковник РККА¹¹ в сопровождении двух офицеров рангом ниже. Подполковник предъявил удостоверение замначальника контрразведки фронта и тут же непререкаемым тоном приказал передать ему языка-оберста.

Всё бы ничего, но подполковник, как и его офицеры, был в новенькой полевой форме, чистенькой и с иголочки. Офицеры выглядели в ней какими-то уж слишком ухоженными, словно породистые жеребцы. Это первое. А во-вторых, на плечах «обычных» штабных офицеров почти всегда сияли новенькие жёлтые повседневные погоны. У этих же они были тускло-золотистыми, парадными. Такие погоны, по новому уставу РККА, совершенно не полагались для ношения при полевой форме.

– Впрочем, сейчас весна, – пытался логично объяснить себе Сташевич наблюдаемые странности, – а новые знаки различия ввели не так давно, зимой этого – сорок третьего года. Возможна путаница с непривычки, хотя на штабных офицеров это непохоже.

Наконец, глазастый Сташевич обратил внимание на холёные ногти подполковника.

– Возможно, где-то в недрах штаба нашего фронта обре-

¹¹ **РККА** – Рабоче-крестьянская Красная армия. С 1946 года Советская армия.

тается со своими щипчиками и пилочками опытная маникюрщица! – мелькнула в голове Андрея неуместно забавная мысль.

Андрей Сташевич не торопился выходить из кабины «Виллиса». Он вежливо попросил офицеров, сопровождавших подполковника, предъявить офицерские книжки. Старший лейтенант и капитан напряглись, но после кивка своего начальника документы предъявили.

За просьбой Сташевича скрывался один известный смершевский фокус – железные скрепки в советских документах особым качеством не отличались. Они быстро ржавели и пачкали бумагу в местах крепления. Оба предъявленных документа значились выданными более года назад. Тем не менее скрепки у них всё ещё были блестящими, как новенькие. Оно и понятно: настоящее немецкое качество!

Тем временем Рюмин, сидевший на заднем сиденье справа от пленного оберста, оставил свой ППШ в кабине и вышел из машины. Видимо, просто решил размять ноги. Сделал он это вопреки всем инструкциям, а красноречивый взгляд Андрея проигнорировал.

– *Waffen zur Inspektion*¹²! – неожиданно рявкнул Сташевич.

Лающая команда на немецком прозвучала достаточно громко, но подполковник с капитаном даже не шелохнулись. Зато молоденький старлей рефлекторно поднёс правую руку

¹² **Waffen zur Inspektion!** (нем.) – Оружие к осмотру!

к блестящей новенькой кобуре. Сташевич встретился с мнимым подполковником взглядом – они, как говорится, друг друга поняли!

Не раздумывая, Андрей повалил на пол «Виллиса» пленного оберста. Это было первое движение, и уже через мгновение в падении прямо через дверь кабины он выпустил по диверсантам длинную очередь из ППШ. Сквозь решето пулевых отверстий в двери машины Сташевич краем глаза успел заметить вихляющий зад Рюмина. Пригнувшись и втянув голову в плечи, напарник петлял зайцем, улепётывая куда подальше от неприятностей...

Андрей едва успел утихомирить брыкающегося под ним языка, когда большой куст на обочине дороги загрохотал ответной автоматной очередью. Шофёра изрешетило мгновенно, но везучий Сташевич остался цел и не потерял хладнокровия. Извернувшись, он метнул через открытое окно лимонку в сторону агрессивного куста.

Взрыв. Тишина. И только всхлипы немца, смиренно лежащего под Сташевичем, нарушали эту идиллию. Подобно незадачливому Ахиллесу, бедняга оказался ранен... в пятку. Троих дохлых диверсантов на дороге и ещё парочку в кустах Сташевич по полному праву записал на свой счёт.

Вскоре отыскался и лейтенант Рюмин. Словно милое нашкодившее дитя, со смущенной улыбкой он вылез из противоположного от боя кювета. Свой приговор в глазах напарника Рюмин прочёл без труда. Смачно хрюкнув, лейтенант

в ужасе бросился наутёк. Пистолет без раздумий прыгнул в руку и, почти не целясь, капитан Сташевич трижды выстрелил в маячащую впереди широкую спину.

– *To jest dla mojego ojca*¹³! – негромко пробормотал он.

Сунув в кобуру ещё горячий ТТ, Андрей вернулся к ценному фрицу. Раненого оберста следовало перевязать и усадить на сиденье. Потом в рапорте капитан написал, что во время внезапного нападения засевших в засаде немцев Рюмин решил сдаться. С поднятыми руками и криком «Хайль Гитлер!» он побежал к ним навстречу...

Нелепо, конечно, да и коллеги-особисты не дураки. Многие всё поняли, догадались о том, как было. Однако Сташевича уважали, а Рюмина не любили. Так и записали лейтенанта в позорные предатели. С голубой душой, как говорится...

Как там водилось у польской шляхты? «Жизнь за жизнь! Кровь за кровь! Честь за честь!»

¹³ *To jest dla mojego ojca!* (польск.) – Это за моего отца!

Глава вторая. Майор Бабр

Отделение ГУПВИ¹⁴ Тайшетского района Иркутской области нашлось без труда. Оно располагалось в самом центре рабочего посёлка Бирюса, в сером двухэтажном дощатом домике. Здесь Сташевича приняли в прямом смысле слова «с распростёртыми объятьями».

Не успел капитан по всей форме доложить о прибытии тощему подполковнику, сидящему за деревянным, покрытым красным лаком столом, как со стуком распахнулась дверь позади. Андрей автоматически полуобернулся и оторопел. Растопырив руки-брёвна, на него пёр кряжистый военный со страшноватой, заросшей бурой щетиной физиономией. Местный красавец ещё с зимы не переобулся в сапоги, оставаясь в мохнатых собачьих унтах. Дополняли его безумный гардероб зелёные офицерские галифе и тёмно-синий китель нараспашку. Бывший разведчик-смершевец привык уделять деталям особое внимание.

– А пуговицы-то у нас неуставные! Маршальско-генеральские, с государственным гербом цацки. Такие блестяшки для высшего комсостава на монетном дворе вручную льют из ювелирной рандоли¹⁵. Форсите, товарищ майор! – усмехнул-

¹⁴ **ГУПВИ** – Главное управление по делам военнопленных и интернированных.

¹⁵ **Рандоль** (бериллиевая бронза, или «цыганское золото») – сплав меди и бериллия, внешне почти неотличимый от золота.

ся про себя капитан Сташевич.

Вместо белой сорочки под расстёгнутым кителем военного темнела поддевка с начёсом, шерстяная и совершенно неуставная. Тяжелая статья и дремучий лик новообретённого начальника неожиданно настроили Сташевича на весёлые мысли.

«Что за дикий сине-зелёный мундир с майорскими погонами?! И какие сумасшедшие цыгане вырядили этого Михаила Потапыча в столь непотребный вид?» – усмехнулся про себя Андрей.

– Рад! Сердечно рад вам, товарищ капитан! – взревел «Потапыч» и заключил Сташевича в могучие объятия.

Радость майора была искренней и неподдельной. У обнятого товарища капитана, кандидата в мастера спорта по самбо и вольной борьбе, между прочим, натурально захрустели кости.

Тем временем «Потапыч» разомкнул объятия и чуть отстранил от себя Андрея.

«Сейчас этот здоровяк по-отцовски попросит: «А поверотись-ка, сынку!» – почти уверенно предположил Сташевич.

Цитирования из «Тараса Бульбы», однако, не последовало. «Дремучий» майор оскалил в приветливой ухмылке крепкие зубы с острыми клыками, тёмными от чифирия, и пристально уставился на вновь прибывшего офицера.

– Ждём вас, товарищ капитан! Давно ждём! Работы нев-

проворот. Будете у меня служить начальником оперчасти. По лагерным понятиям – «кумом». Дорогу железную строим, а контингент у нас немчура пленная. Общаться-то надо как-то с рабочей силой. К тому же будет с кем интеллигентным словом перемолвиться. А то ведь кругом одно зверьё таёжное, да ещё двуногое...

Странные, пугающе нечеловеческие глаза оказались у этого небритого офицера. Небольшие, гипнотизирующе-круглые и пронзительные. Радужка цвета бледного янтаря в золотистую крапинку. Зрачок, как и положено, чёрный, хотя и некруглый, а кошачий, чуть заметно вытянутый по вертикали.

«Господи, глаза амурского тигра», – мелькнула в озадаченном мозгу Андрея странная мысль.

Он почему-то был совершенно уверен, что у амурского тигра именно такие глаза.

«Да откуда здесь тигру взяться? Этим кошкам в Приморье место. Может быть, в Уссурийском крае еще. А это, как говорится, два лаптя по карте», – поправил капитана Сташевича всё ещё сидящий в нём студент универа. Этот занудный молодой человек обладал обширной эрудицией, порой не ко времени выскакивающей на волю.

И тут же Андрей вновь усмехнулся себе:

«Ай да майор! Ай да медведь с глазами тигра! И где? В управлении ГУЛАГа, посреди глухого таёжного посёлка...

«Остров доктора Моро»,¹⁶ да и только...

* * *

Начальника Бирюсинского лагеря для военнопленных звали вполне по-человечески – Иван Петрович. А вот фамилия у желтоглазого майора выдалась под стать внешности. Странная такая фамилия – Бабр...

– Я тебе, Казимирыч, пока мы в дороге, всю диспозицию нашего Бирюслага в русле текущего момента растолкую. Ать! Дрыть его!

Майорское междометие «дрыть его», как догадался Сташевич, относилось не столько к текущему моменту, сколько к очередному ухабу на лесной дороге. Как раз на нем изрядно подбросило транспорт майора, выдавший виды тёмно-зелёный грузовичок. Благо крышей колымаге служил натянутый брезентовый верх, а то не миновать Андрею сотрясения мозга с изрядной гематомой на темени в придачу.

– Ты, Казимирыч, главное дело, не тушуйся, мы здесь без предрассудков. Будь ты хоть Казимирыч, хоть Израилич, а пушай даже и Адольфыч! Тем более что по матушке ты парень наших, русских кровей. Андрюха Сиротин! Я, естественно, прежде чем тебя сватать, с личным делом своего будущего зама ознакомился, – продолжал вещать Бабр, по-

¹⁶ «Остров доктора Моро» – роман Герберта Уэллса.

луобернувшись с водительского сиденья диковинного авто, никогда не виданного Андреем раньше.

Надо сказать, что капитан обратил внимание на это зелёное диво ещё возле управления. Чудная «физиономия» этой машины бросалась в глаза. Раскосая и какая-то «рыбно-морская», она была украшена длинным, вытянутым по вертикали сетчатым радиатором. А необычные, близко посаженные глазки-фары отчего-то навеяли Андрею Сташевичу романтические грёзы детства – полузабытые изумрудно-голубые мечты о бескрайних океанских просторах, где царственно бороздили просторы великолепные чёрно-синие звери, огромные чудо-юдо киты.

В центре радиатора красовалась большая пятиконечная звезда. Она блестела следами давно облезшего золотистого лака. Перекрикивая тревожно подвывающий и чем-то лязгающий движок, Сташевич громко поинтересовался:

– Что это у вас, товарищ майор, за грузовичок? Я таких красавцев ни разу за всю войну не встречал.

Спросил он про машину с двойной целью. Во-первых, действительно удовлетворить любопытство. А во-вторых, сменить тему. Хотелось замять «зело мутные» майорские речи о полукровках и Израиличах, а также не к ночи упомянутых Адольфовичах.

– А, эта? – рассеянно переспросил Бабр и нежно погладил огромное, словно корабельный штурвал, рулевое колесо цве-

та слоновой кости. – Японочка! «Курогане»¹⁷. Мой личный трофей сорокового года. Аж от самого Халхин-Гола её гнал. И ничего, выдержала. У меня, пока не развалилась, ещё и командирская легковушка была. Махонькая, лёгкая, но проходимая.

– Да ну? – поразился Сташевич.

– Ага. В твоих Европах, капитан, такую японистую красоту не встретишь. У вас там всё больше «Опеля» да «Виллисы». Немцы трофейные и американцы ленд-лизовские. Да ты не тревожься, Казимирыч, – хитро прищурился тигриные глаза, добавил он вдруг. – У нас тут народ посвободнее, чем в ваших столицах будет, за каждым словом не следит, не напрягается. Дальше матушки Сибири-то не сошлют. Главное, чтобы ты мужик правильный оказался. И с пониманием! Ать! Дрыть его!

За бортом диковинной японской машины быстро темнело, по обе стороны лесной дороги маячила неприступной стеной тайга. Андрей покосился на широкую спину майора.

«М-да, мрачноватая атмосфера. Даже какая-то зловещая! – вздохнув, подумал Сташевич. – Что-то подобное я испытал мальчишкой, когда в конце ещё относительно фривольных двадцатых по ночам зачитывался привезёнными отцом из-за границы тонкими, в мягких обложках книжками

¹⁷ «Курогане» (Kurogane) – «Сталь» – многоцелевые полноприводные японские машины, грузовики и легковые. Лёгкие и компактные командирские «Курогане-95» – первые джипы довоенной Японии, опередившие лучшие американские машины «Виллис» (Willys MB) на несколько лет.

польского издательства «Гебетнер и Вольф». Это были переведённые с английского, входившие тогда в моду американские детективы в стиле нуар. А что? Чем не начало чёрного романа?

...«Вокруг царила непроглядная ночь. Стоял тёмной стеной дикий непроходимый лес. А за рулём везущей меня в неизвестность ветхой машины сидел похожий на лесного оборотня человек»...

Ну чем не нуар? Ага! Майор Бабр! Медведь в армейском кителе и штанах. Ну, точно же! Прямо в рифму!

– *«Нуар в таёжных тонах!»*

* * *

Японский грузовичок преодолел, наконец, все триста тридцать три ухаба извилистой лесной дороги. Уже через два часа они въехали через ворота поста, «за колючку», где в обширное лагерное пространство было очищено от тайги. Не откладывая в долгий ящик, Бабр решил сразу познакомить вновь прибывшего офицера с местом его будущей службы.

Но сначала плотно и вкусно пообедали в лагерной столовой для obsługi, в её красном офицерском углу. И только потом приступили к инспекции бесконечных, вылизанных до идеальной чистоты барачков. Военнопленные немцы при по-

явлении начальства дружно вскакивали и вышколенно вытягивались во фрунт.

Куда менее ухоженными оказались «вертухайские» караулки и казармы охраны, а также подсобные помещения. Впрочем, богатая книгами лагерная библиотека, как и чистенькое помещение фельдшерской, произвели на Сташевича приятное впечатление. Не последнюю роль в этом сыграло новое знакомство – хозяйкой того и другого оказалась весьма милостивая женщина, светловолосая, стройная и юная.

Капитан отчего-то смутился и уже собрался было протянуть новой знакомой руку. Однако Бабр, заметив этот порыв, взглядом остановил его. Не без притязаний на изящество начальник лагеря чуть наклонил лохматую голову, чтобы церемонным жестом обеих своих лапищ указать на нового офицера:

– Прошу любить и жаловать, Дашенька! Мой благоприобретённый заместитель и по совместительству начальник оперчасти нашего Бирюослага, – обаятельно улыбаясь сквозь серо-рыжую щетину, пробасил майор. – Андрей Казимирович Сташевич!

Великосветское представление заставило Андрея мысленно усмехнуться:

«Матка Боска Ченстоховска... Снова зоопарк! Кажется, этот таёжный тигро-медведь вообразил себя лагерным светским львом».

Светловолосая юная фельдшерица радость начальства не

разделила. Опустив глаза долу, она замерла. Тем временем хозяин лагеря продолжил церемонию, полуобернувшись уже к Сташевичу:

– Товарищ капитан, разрешите представить: наш фельдшер и по совместительству заведующая библиотекой Дарья Михайловна Громова.

* * *

Не теряя напора, с той же неостывающей душевной щедростью майор Бабр решил квартирный вопрос нового начальника оперчасти. Не прошло и десяти минут неспешной ходьбы по дороге, как посреди вечнозелёной тайги, дурманящей мощным хвойным духом, показались дома. Немного, всего десятка полтора, но зато каких домов! Из лучшего строевого леса, ладных и тёплых. С островерхими, треугольными от снежных наносов крышами и резными наличниками на окнах.

Когда-то за пределами лагеря располагался небольшой старообрядческий скит. Строители дело знали, жилища вышли светлыми, с просторными горницами. Не забыли здесь и о сараях с конюшнями. А кроме того, дома могли похвастаться глубокими вместительными подвалами и ледниками для съестных запасов впрок.

По всему получалось, что строили сии жилища мастера старинной плотницкой школы основательно, на века. Только

вот богобоязненных обитателей этих добротных домов дол-
гоорукая советская власть прибрала к ногтю ещё лет двадцать
назад. Понапрасну старoverы надеялись, будто никому они
не занадобятся в такой таёжной дикой глуши.

Когда при наркомЕ Ежове завели здесь новый лагерь для
классовых злыдней, то есть врагов народа, сюда же опреде-
лили социально близких к себе пролетариев-уголовничков.
К какому классу отнесли старoverов, история умалчивает. А
сам бывший скит облюбовало вертухайское начальство – для
офицеров охраны и кое-кого еще, приближённого из воль-
нонаёмной обслуги.

* * *

Из тринадцати домов оказалось заселено только восемь.
Сообщив эту информацию, майор лёгким движением рас-
пахнул деревянную дверь массивного и старинного вида:

– Заходи! Заходи, Андрей Казимирыч! И чемоданчик
свой заноси!

Капитан медлить не стал, только снег с подошвы обстучал.

– Жильём мы богаты, а этот дом самый ухоженный. Преж-
ние квартиранты съехали, но чистоту и порядок после себя
оставили, – при последних словах Бабр почему-то замялся,
покачал головой и отвернулся.

– Ух ты! Да тут прямо хоромы! – не сдержал восхищён-
ного возгласа Сташевич.

Ещё в Москве, едва получив назначение, капитан был уверен в трудностях с жильем в этом медвежьем углу. Он не удивился, если бы его поселили при казарме, в каком-нибудь закутке для холостых офицеров. Верхом ожиданий была каморка в перенаселённом бараке, с тараканами и запахами общей кухни.

Здесь же просторный зал казался жилым. Как и в двух смежных комнатах, обстановка состояла из кое-какой мебели и даже предметов роскоши – в горнице имелся старинной работы резной стол со стульями, а на полках приткнулись несколько книжек. Рядом с ними замерли шесть неизменных «мещанских» фарфоровых слоников. Обязательный седьмой, видимо, куда-то подевался или разбился. Стены тоже голыми не остались, их украшали чьи-то фотографии.

Главным было не это. К вящему удовольствию нового жильца, в дальней комнате оказалась роскошно-просторная железная кровать. С четырьмя большими тускло-серебристыми набалдашниками на спинках, панцирной сеткой и матрасом, она притаилась в углу.

– Ну? Как тебе домик? А, Казимирыч? – довольный произведённым впечатлением щедрый хозяин лагеря ухмыльнулся.

– Всё замечательно, товарищ майор. Только у меня такое чувство, будто здесь кто-то живёт, – смущённо пожал плечами Сташевич.

– Жили-пóжили, да съехали. Уж третий месяц пошёл, –

не стал вдаваться в подробности Бабр. Он отвернулся и, явно меняя тему, добавил: – Ты вот что, Андрей Казимирыч. Давай без чиновочитания. Надоело! Иван Петровичем меня кличут. Понял?

Андрей кивнул, а начальник мотнул головой в сторону лагеря:

– Это там, «за колючкой», я тебе товарищ майор. А здесь мы не на службе... Кстати! У тебя и соседи замечательные. Даша Громова в соседнем доме проживает. Сын у неё есть, пятый год мальцу. Синеглазый такой... Ангелочек светленький. Весь в мамку. Одинокие они.

– Отчего так?

– Папку, видать, война прибрала. Я не интересовался. Дарья не рассказывает, а я лишний раз к человеку в душу не полезу, – Бабр усмехнулся. А затем, одарив Андрея своим пронзительным тигриным взглядом исподлобья, добавил: – Это теперь твое поприще, капитан!

* * *

Оставшись один, Андрей снял со стены пожелтевшую от времени фотографию в блеклой деревянной рамке. В окружении нескольких старомодно одетых женщин на ней сидел на венском стуле солидный, одетый в камзол сухощавый мужчина с длинными вислыми усами.

«Фотографические картины студии «Пан Гурвич и сыно-

вья», – гласило по-русски и по-польски полустёртое факсими́ле в правом нижнем углу карточки. «Miasto Chervený. Rodzina Poplawski. 1889.»¹⁸, – сообщали блёклые, едва читаемые чернила на обороте.

– А ведь это поляки! – удивлённо хмыкнул про себя Андрей, вертя в руках старую фотографию. – Однако. Где только не встретишь своих, даже в такой таёжной глуши...

¹⁸ «Miasto Chervený. Rodzina Poplawski. 1889.» (польск.) – «Город Червены. Семейство Поплавских. 1889.»

Глава третья. Бирюслаг (Лагерный кум)

Новоселье Сташевич отпраздновал скромно – ломоть чёрнушки запил стаканом молока. Поужинал да лёг спать. Среди ночи Андрей вдруг проснулся. Его разбудило ощущение смутной тёмной тревоги. Капитан поднял с прикроватной тумбочки часы, трофейную швейцарскую «Омегу». Светящиеся в темноте стрелки показывали час ночи.

– Матка Боска! Чёрт его ведает, что такое, – сонно вздохнув, Сташевич положил «Омегу» обратно.

Перевернулся на другой бок, чтобы снова уснуть. Это почти удалось, однако на этот раз ощущение тревоги не оставляло его и во сне. Сквозь толщу дрёмы до ушей Андрея начали доходить странные звуки из соседней горницы, где вскоре раздался довольно громкий звук. Такой противный скрип издают дверные петли, старые и давно несмазанные. За скрипом последовал глухой, но явственный стук – словно кто-то случайно уронил на пол тяжёлый деревянный стул, стоявший в строю своих братьев у дубового стола с искусной резьбой.

Словно издалека раздался тихий детский смех. Затем слышались шлепки маленьких необутых детских ножек по деревянному полу. Тут же за ними последовала более увесистая, «взрослая» босая поступь.

Шаги закончились тяжким вздохом совсем рядом с кроватью. Железная панцирная сетка прогнулась с лёгким скрежетом, кто-то присел на край койки.

Андрей почти проснулся. Ему дико захотелось пробудиться окончательно, прогнать мерзкое, забытое ещё с раннего детства ощущение давящего и липкого кошмара, не дающего дышать во сне.

Сжалось сердце в груди. Неожиданный сбой дал мощный тренированный «мотор» молодого мужчины-бойца, не раз бывавшего в передрягах. Сташевичу пришлось совершить невероятное усилие над собой. Подскочив, он присел на кровати и выдохнул под аккомпанемент резко заскрежетавших пружин. Всё тело покрывал мерзкий липкий пот.

– Чёртово дело! Что за ведьмовщина? – громко выругался он в сереющий предрассветный сумрак спальни. А сам подумал: ещё немного – и намочил бы постель, словно испуганный карапуз. Странно, ведь с младенчества кошмары не мучили...

Сташевич поднялся с койки, зажёл керосиновую лампу. Сна не было ни в одном глазу, поэтому он умылся под ручномойником. Вытирая лицо и шею, походил по горнице. Растопил щепками плиту при главной печи и поставил на неё греться большой медный чайник. Важная посуда относительно недавно была тщательно вычищена и солидно посверкивала теперь матово-красными бликами.

– А кстати! – хмыкнул Андрей и зачем-то подмигнул туск-

лому отражению. Собственная физиономия на боку закипающего чайника выглядела кривой и рыжей. – Хотя Бабр почему-то не пожелал говорить на это тему, но здесь, в этом доме, кто-то совсем недавно жил. Совершенно точно жил, вон как ухожены вещи. Чувствуется заботливая рука, скорее всего, женская. Надо бы разузнать о прежнем хозяине. Или хозяйке?

* * *

В странном доме за пределами лагеря он больше не ночевал. Благо в служебном кабинете имелся диван, и Сташевич рьяно взялся за дело на новой должности. Дело хоть и новое, но понятное – с утра до вечера он работал с личными делами военнопленных. Когда из-за рези в глазах не мог больше читать, капитан знакомился с заключёнными лично, с глазу на глаз, так сказать. Вызывал по одному, беседовал на разные темы. В особо интересных случаях задерживал визави надолго, не скупясь на время. Вербовка осведомителей – это занятие серьёзное...

Рано утром заключённых увозили по железке на работу – прокладку новых путей. Возвращали их ближе к ночи валяющимися с ног от усталости после двенадцати, а то и четырнадцати часов тяжкой работы. Первое время Андрей добросовестно беседовал со старшинами военнопленных немцев, назначенными лагерным начальством. Вызывая их каждый ве-

чер, вскоре он понял, что особого толка от этих встреч не последует. Для серьёзного контроля над лагерным контингентом необходима настоящая оперативная «пахота». Кружевная тонкая работа сродни глубокой разведке. Мудрёные схемы по выявлению истинных, не назначенных «сверху» вожаков. Тайные, по-тихому прикормленные «стукачи» из среды военнопленных и вольной обслуги. Следовало сменить тактику и найти подходы...

Сташевич всегда был добросовестным офицером. Тем не менее он никогда не забывал и о своём мужском интересе. Симпатичная, светленькая и одинокая фельдшерица Даша Громова понравилась ему с первого момента их знакомства. Что же касается Андрея, то сам капитан, высокий и стройный блондин, имел правильные и, как говаривали в старое время, аристократичные черты лица. Он с ранней юности пользовался успехом у женщин.

Другое дело, что Сташевич по природе своей Казановой не был. Даже напротив, он стеснялся своей приятной внешности. Не слишком умные девицы, окружавшие его в юности профессорские дочки, ошибочно принимали эти рефлексии интеллигентного молодого человека за высокомерие. Потом пришла война. На место свиданий с «девушками из хороших семей» пришли романы с женщинами войны – связистками и госпитальными медсёстрами. Всё это было не по-настоящему, по-военному быстро, по-фронтовому скоротечно. Слишком легко и доступно, что ли.

О любом сотруднике Бирюсллага, в силу своего служебного положения, Сташевич мог узнать очень многое из его личного досье. Однако когда дело коснулось Громовой, сама мысль об этом вызвала у него резкое неприятие.

– Это обычная элементарная порядочность, – пояснил себе капитан. И тут же поморщился от кричащей наивности, да что там – пошлой фальши, возникшей при данных обстоятельствах мысли. – Да уж! Элементарная порядочность просто крайне необходимо лагерному «куму»!

Визит вежливости Андрей оттягивал и решился нанести его только через неделю после своего новоселья. Поводом послужили усиленный офицерский паек и память о маленьком сыне милой соседки. Приподняв полагающийся ему на три месяца пайковый ящик свиной тушёнки, прямо в лавке он произвёл «натуральный обмен». Весёлый вольнонаёмный начпрод-кладовщик был только рад, выдавая взамен банок два кило карамели, дюжину банок сгущёнки, а также четыре плитки шоколада «Гвардейский».

Оборотистый кладовщик обладал забавными пышными кавалерийскими усами, а-ля Будённый, и не менее забавной фамилией Гришаня.

– На здоровьечко! – фамильярно подмигнув, напутствовал Гришаня нового начальника оперчасти. – Обращайтесь, дорогой товарищ капитан! Дело-то молодое. Разве ж мы без понятия?!

Напоследок начпрод пошевелил своими роскошными, за-

крученными на кончиках чёрными с проседью усами и обязательно, с ямочками на щеках, улыбнулся.

Соседка Дарья открыла дверь, словно ждала гостя. Без удивления взглянув, спокойно пригласила войти:

– Проходите, Андрей. Ничего, что я без отчества? Мы ведь с вами почти ровесники.

Сташевич покраснел как мальчишка и, злясь на себя, смущённо пробормотал:

– Да, конечно...

Целый куль сластей, заменивший усиленный офицерский паек, оказал свое действие – четырёхлетний Вадик, белокурый и синеглазый херувим, не слезал с коленей Андрея. Весь вечер, пока они вместе пили чай за столом, он пробовал редкие деликатесы.

А Сташевич удивлялся столь ангельской внешности ребенка. Никогда ещё он таких детей не встречал, ну разве что на трофейных рождественских открытках с готическим шрифтом. Малыш лепетал милую чепуху, а гость показывал ему фокусы, комментируя это простенькое волшебство писклявым голосом московского клоуна Карандаша.

Вадик и сам не заметил, как уснул на руках своего нового друга. Преодолев слабые протесты мамы Даши, Андрей отнёс малыша в соседнюю комнату. Бережно уложив ребёнка в кровать, капитан с трудом удержался от накотившего приступа родительской нежности – ему страшно захотелось поцеловать кончик маленького сопящего носика.

– Анджей! – тихо окликнула его стоящая в дверном проёме Даша. – Так, кажется, по-польски Андрей?

– Да, – подойдя вплотную, шёпотом подтвердил Сташевич. – Анджей, то верно...

Он помолчал немного, а потом осторожно прикоснулся своими сухими губами к влажным губам женщины.

Глава четвёртая. Младший лейтенант Рогозин

Миновала жестокая таёжная зима. Окончились смертельные морозы, когда столбик термометра падал ниже сорока. Унялась вьюга, выматывающая душу и воющая неприкаянным ночным волком. Потеплел дневной ветер, который раньше обжигал ледяным огнём.

Всё, что возможно узнать о прежних жильцах своего дома, капитан Сташевич разузнал. Собственно, иначе и быть не могло. Какой же он начальник оперчасти в противном случае?

В добротном староверском жилище до капитана обитала маленькая семья, состоящая из молодой женщины двадцати шести лет от роду, и её пятилетней дочери Маши. Звали ту женщину Елена Поплавская. Она служила фельдшером при лагере и числилась юной вдовой фронтовика.

Между прочим, по девичьей фамилии Елена была Смирновой – Поплавской она стала по мужу. Разбираясь в этой истории, Сташевич вспомнил о старинной фотографии, увиденной им в бывшем доме пропавшей фельдшерицы. Той самой, где вислоусый пожилой поляк Поплавский из польского городка Червены был изображён со всем своим небольшим семейством.

Получалось, что карточка та Поплавского, мужа Елены.

Это нехитрое умозаключение повело Андрея дальше. Судя по всему, молодая вдова своего погибшего мужа любила и уважала. В противном случае не стала бы она сберечь и вешать на заметное место его семейную реликвию. Со временем, видимо, Смирнова-Поплавская собиралась передать карточку своей дочери. Тем самым Елена сохранила бы для подросшей Марии родовую память о погибшем отце.

Однако мама Лена забыла учесть одно важное обстоятельство: девочку пришлось бы посвятить не только в хроники рода, но ещё и в небезопасную историю о явно непролетарских польских корнях. Странное, не совсем типичное поведение для заботливой матери. Юной советской женщине, верной сталинистке и комсомолке, следовало бы вести себя более осмотрительно.

На фотокарточке в личном деле сама Елена выглядела почти ребёнком, симпатичной светленькой девочкой. Она показалась Андрею чем-то очень похожей на Дашу, нынешнюю фельдшерицу. Правда, у Даши Громовой выражение глаз было не таким наивным. Более взрослым, что ли. Дарью и прислали на замену Поплавской. Причём сделало это начальство управления лагерей Тайшетского района относительно оперативно, буквально через неделю после несчастного случая, произошедшего с фельдшером Бирюслага и её дочерью.

Личное дело пропавшей без вести фельдшерицы деталями не изобиловало, информация была скупа: Елену Смирнову-Поплавскую война застала в гостях у польской родни

мужа, в городке Червены, что на юго-западе Украины. Эти области только в сороковом году отошли Советскому Союзу. Ранее они находились в составе Польши. Поплавская каким-то чудом успела эвакуироваться в самый последний момент вместе с отступающими красноармейцами. А вот о самом несчастном случае в документе ничего не упоминалось. В архиве лагеря должны были храниться бумаги об оперативном дознании – в связи с этим странным исчезновением. Таковые, однако, отсутствовали. Обращаться к начальнику лагеря за подробностями Андрею не слишком хотелось. Он хорошо помнил, как Бабр откровенно замял эту тему, уйдя от разговора о прежних жильцах дома.

Заместитель Сташевича, младший лейтенант Алексей Иванович Рогозин, на вопросы о произошедшем с Поплавскими тоже отвечать не рвался. Этот стареющий офицер производил впечатление туповатого, не слишком инициативного служаки, к тому же пьющего. Хотя дело в какой-то мере он всё же прояснил.

– Так это, – наморщил и без того мятую физиономию Рогозин. – Хозяин их забрал... Ну, Поплавскую с дочкой. В смысле, медведь их осенью в тайгу утащил. Лето плохое вышло, неурожайное – ни грибов тебе, ни ягод. А мишке чем-то жир добирать на зиму надо. Ну, он их и того... схарчил, видать! Говорили люди Поплавской этой: не суйся в тайгу в одиночку. Так нет, она сунулась, да ещё и с ребёнком. Видать, по ягоды пошла. Вот и сходила.

Нелогичность рассказа удивила. Андрей поднял взгляд на своего заместителя:

– Пойдите. Какие, к чертям, грибы-ягоды, если лето неурожайное?

– А я почему знаю? Говорю же, незнайки городские! Чего с них взять? – пожал узкими плечами младший лейтенант.

Его потёртые погоны на засаленном, выдавшем виды кителе встопорщились, встали домиком, словно крылья сердитого воробья.

– Дознание хоть провели? – не унимался Сташевич.

– Ну провели. Как без этого, – вздохнул Рогозин.

– И где материалы? Папка с дознанием где? – капитан начал раздражаться на этого увальня.

– Так у начальника лагеря! У Ивана Петровича Бабра. Товарищ майор лично дознавался, у него и папка, – сорвался, перейдя на визг, младший лейтенант с лицом пьющего старика.

– Что с вами, Алексей Иванович? – истерику подчиненного следовало прекратить, и Сташевич это сделал ледяным, нарочито спокойным тоном. – Вы так странно реагируете, будто вину за собой чувствуете.

– Простите, товарищ капитан. Нервы, – буркнул Рогозин.

Пряча глаза, он трясущимися пальцами стал перекладывать на столе тонкие папки с личными делами военнопленных.

«Ага, нервы. Разумеется», – не без сочувствия к этому

незадачливому пьянице вздохнул про себя Сташевич. От Рогозина с утра разило, как от винной бочки.

Младшему лейтенанту сострадал Андрей неспроста. Из личного дела и, главное, из рассказов майора Бабра вытекало, что Алексей Иванович Рогозин – свой брат, фронтовик. Как и Сташевич, прошёл мужик всю войну разведчиком. С самого начала, от рядового солдата до офицерского звания дослужился. Четырежды был ранен, тяжело контужен. Домой вернулся к семье. А там! Как в жалостливой народной песне, которую безногие инвалиды войны по вокзалам стонут:

*Я был батальонный разведчик,
А он писаршика штабной!*

Сорвался тогда Алексей Иванович Рогозин, кавалер двух орденов Славы. В приступе гнева жену-изменницу помял и любовника едва не убил. Дело как-то замяли. Но Рогозин всё не унимался – пил, дебоширил. Друзья его с трудом урезонили, отправили на должность малую сюда, в Бирюлаг. Подальше от начальственных глаз, как говорится. На новом месте младший лейтенант вроде в руки себя взял. Долго держался, но вскоре запил опять. Причём в точности после того, как Елена Поплавская и её дочь в тайге сгинули...

Глава пятая. Бабр сердится

Слухами земля полнится. А уж небольшое, в буквальном смысле закрытое сообщество, такое, как лагерная обслуга, тем более. Здесь слухи летают быстрее звука. И на следующий день после неприятной беседы с Рогозиным Андрей оказался в кабинете начальника лагеря. Обычно дружелюбный и приветливый, он на этот раз даже не предложил присесть.

Лишь сухо поздоровавшись, Бабр осведомился, не глядя на своего заместителя:

– Какие успехи, Андрей Казимирович, в работе с нашими подопечными фрицами имеешь? Скоро месяц, как ты у меня начальником оперчасти подвизаешься! Так чем же похвастаться можешь?

Сташевича такими загибами начальство удивить не смогло – для того и кот, чтоб мыши место знали. Знаем, плавали. Всегда готовый к отчёту, он не растерялся. Начал собранно, подробно излагать свои действия по организации агентурной сети как среди военнопленных, так и внутри обслуги. Попросту говоря, по дням изложил план мероприятий по вербовке стукачей.

Конечно, подробности, особенно с именами, он сдавать не собирался. Такова уж специфика работы лагерного «кума». Кстати, согласно закрытым должностным инструкциям,

на такую секретность он имел полное право. Бабр, с другой стороны, мог затребовать у своего подчинённого любую информацию. Однако лишь после письменного приказа, в коем начальник должен был чётко объяснить, с какой такой конкретной целью интересуется его данная закрытая тема. Нормальному начальнику лагеря вся эта лишняя мигрень нужна не была. От слова совсем. Поэтому в дела своих «кумовьёв» умные «хозяева» лагерей попросту не лезли.

– Эти твои расклады мне без интереса! – хмурый майор прервал Сташевича буквально на полуслове. – Мне результат нужен, понял? А результат у тебя, товарищ капитан, пока неважный. В третьем отряде драка между военнопленными случилась, да ещё и с поножовщиной. Хорошо, без трупов обошлось. К тебе вопросы, Андрей Каземирыч, твоя епархия. Ты не углядел!

Андрей оторопел. Происшествие, о котором упомянул Бабр, случилось буквально на следующий день после его, Сташевича, вступления в должность. Формально это была уже его ответственность, но фактически он и дел-то толком ещё не успел принять. Кому, как не начлагеря, это понимать.

– Я с этим разбираюсь, товарищ майор, – Сташевич тем не менее нашёл что ответить. – Драка произошла между неким Вальтером Бравеном, вновь прибывшим с партией военнопленных, и нашим лучшим помощником, активистом-антифашистом, главным лагерным старшиной Вольдемаром Шнитке. Причём, по докладу Шнитке, Бравен напал на него

первым. У новенького и заточка в сапоге оказалась. Конвойные, принимавшие эту команду военнопленных из Дальлага, уже наказаны в дисциплинарном порядке. Произведён дополнительный тщательный обыск команды вновь прибывших. Бравен помещён в ШИЗО. Пока молчит. Шнитке ранен нетяжело, он в лазарете. Как и раньше, охотно сотрудничает с администрацией, в том числе по этому делу.

– Ну вот и работай, Казимирыч! – подобрел голосом Бабр. – За фрицев начальство теперь серьёзно спрашивает. У нас спецлагерь. Это тебе не наши родные уголовнички, тем более не вражины политические. Между прочим, Шнитке первый и единственный среди военнопленных нашего Бирюслага кандидат в члены ВКП (б)¹⁹. Я лично рекомендовал его кандидатуру на областном партбюро. Международная политика – вещь серьёзная, понимаешь! Союзника в Восточной Европе нам себе надо готовить, новую социалистическую Германию строить. А то, я слышал, ты в сыщика Ната Пинкертон решил поиграть. Вроде заняться тебе нечем...

Майор поднялся, расправил могучие плечи и с кряхтением потянулся. Тускло блеснули золотом гербовые неуставные пуговицы на синем кителе.

«А пуговицы-то мундирные у товарища майора особые, – машинально подумалось Андрею. Он их ещё при первой встрече заметил. – Такие цапки для генеральских да мар-

¹⁹ ВКП (б) – Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков). С 1952 года КПСС.

шальских мундиров льют. Не штампуют, а именно льют на монетном дворе из бронзы-рандоли. Ручная работа, как и высшие ордена! Форсит наш начальник лагеря. Ох, форсит! Не по чину, однако».

Немного косолапя, Бабр грузно прошагал к огромному, тронутому ржавчиной сейфу в углу кабинета. Полязгав ключом, он выудил из его недр тонкую серую папку и протянул её Сташевичу.

– На вот! Почитай на досуге, если такой любопытный! – прокомментировал майор своё действие. – Это материалы дознания. Того самого, которым ты интересовался.

Андрей взял в руки папку. На обложке ровным почерком было начертано: «О бесследном исчезновении в неизвестном направлении военфельдшера Поплавской и её малолетней дочери».

Глава шестая. Начпрод Гришаня

– А я вот, товарищ капитан, четыре жестянки компота припас. Для вашего милого удовольствия! – толковал начпрод Гришаня, собирая в своей лавке очередной паёк для Сташевича.

Улыбка и симпатичные ямочки не сходили с приятной, чернявой и усатой физиономии кладовщика. Интеллигентный Сташевич про себя долго решал, как ему лучше обращаться к полезно-словоохотливому начпроду. Использовать довольно сложное имя-отчество (Аполлинарий Ефимович) или же просто по фамилии?

Гришаня, как бы это сказать, звучало несколько фривольно. Наконец, капитан выбрал в этом важном вопросе демократичный компромисс. Да к чёрту! Пусть будет просто: Ефимыч. Махнув на это дело рукой, Сташевич обратился, как решил про себя:

– Что за компот, Ефимыч?

– Персиковый, консервированный, американский. Остался ещё с ленд-лизовских поставок, – не переставая широко и белозубо улыбаться, продолжал толковать кладовщик. – Да вы не сомневайтесь, товарищ капитан, по накладной ему годность ещё семь месяцев. Это ж какая радость для ребятёнков! Очень они, масятки наши, такие сладкие штуки обожают. У меня самого на большой земле трое. Скучаю по ним.

А куда деваться, зарабатывать-то папке надо. Вот за малышкой у меня всегда сердце болит. Вы, небось, слышали про фельдшерицу нашу прежнюю с дочкой. Беда с ними приключилась. Пошли осенью в тайгу вроде как по грибы и исчезли обе. Не нашли их, с концами пропали девки.

– Вот как... Прямо с концами? И никаких следов? – осторожно поддержал тему Сташевич.

– Ни единого, – Гришаня повелся, горестно покачал чёрной с проседью шевелюрой. – Девоньку Машеньку, мяснечку четырёхлетнюю, жалко. Аж до слёз! Я же знал их с мамкой. Как не знать. Рядом же, на виду. Э-эх! Всех жаль! Медведя таёжного Иван Петровича, нашего начальника, тоже жалко. Ухаживал он за фельдшерицей этой молоденькой. Чувства у него к ней были!

– Чувства? – хмыкнул Андрей. – У медведя?

– А чего? Он один, да и она вдова одинокая с ребёнком. Даром что сама почти дитё. Э-эх! Молодые да красивые мужики типа вас, товарищ капитан, ныне повывелись. На войне все сгнули. А наш товарищ майор для Ленки, конечно дело, был староват. Однако, с другой стороны, мужик видный, крепкий, с положением. И чего она нос воротила? Ленка-то Поплавская. Ведь за ним, за Бабром нашим, как за стеной. И ведь тоже! Не везёт же ему по бабьей части. Двух жён схоронил, а тут и эта. Э-эх!

– М-да, – рассеянно, словно задумавшись над чем-то, кивнул Сташевич. – Печально.

– И то сказать, – согласился начпрод. – А в народе ещё говорят: где слёзы, там и смех. Я вот вас, товарищ капитан, повеселить хочу. Заместитель-то ваш, Rogozin. Извиняйте за выражение, хи-хи, облезьян пьющий. И он ведь тоже! Куда конь с копытом, туда и рак с клешней!

– В смысле?

Кладовщик охотно пояснил:

– Ухаживать за Поплавской пытался.

– Да ну? – заинтересовался Сташевич.

А сам про себя подумал: плохо знает Rogozin географию. Где стареющий лейтенант и где юная красотка, пусть и с ребёнком? Нить разговора при этом не потерял:

– Каким образом ухаживал?

– Всё подарки дочке её Машеньке носил. Ленка терпела его визиты, видать, из вежливости. Иван Петрович, медведь-то наш, про эти рогозинские кунштюки, конечное дело, прознал.

– И что?

– А ничего, – пожал плечами Ефимыч. Под серой мерлушковой безрукавкой он не мерз. – Бабр мужик мудрый. Если и взревновал – виду не подал, только посмеялся... А что скажешь, всякий человек счастья ищет!

Уходящего Сташевича с увесистой котомкой на плече весёлый усач и сплетник Гришаня окликнул уже в дверях склада:

– Тут у меня, товарищ капитан, цельный мешочек таба-

ка курительного. Амерфорская сандаловая махорка, понимаешь! Тоже ещё, поставка военная английская, ленд-лизовская. Говорят, где-то в Северной Индии её выращивают. Духовитая, злая что собака. Любой что ни на есть вонючий запах перешибает! Наш самосад по сравнению с ней – детская забава. А украинская махра и вовсе в подмётки...

Андрей развел руками, выражая сожаление:

– Не курю.

– Как, и вы тоже? Ну, жаль! – расстроился лукавый кладовщик. – А то бы я вам щедро отсыпал! Вот ведь! Не берёт никто! Говорят, мол, больно вонюча, да и горло дерёт! Одно слово, сандал индусский!

«Да, богато живём! Жируете, товарищ капитан, – перекидывая тяжёлую котомку с пайком с одного плеча на другое, виновато размышлял Сташевич, совесть себя. – Страна разорена войной, миллионы людей голодают, а у меня в пайке чего только нет! Прямо достархан какой-то. Заботится Родина о своих офицерах НКВД, или как там нас сейчас называют. Впрочем, насколько известно, так всегда было. И до войны тоже. Хотя, пан Анджей, вы и в качестве профессорского сыночка особо не бедствовали...»

Глава седьмая.

Военнопленный Бравен

Бравен был высоким и тощим. Запавшие глаза, крупный с горбинкой нос, упрямая полоска губ. На тяжеловатом подбородке светлела щетина с ранней проседью. Казалось, вроде пылью присыпана.

К слову сказать, выглядел парень значительно старше своих двадцати шести. На все сорок, не меньше! Этому немало способствовала тёмная сетчатая тень на его лице – след от сильного порохового ожога. Сплошь перештопанная серая телогрейка с лагерным номером, под ней латаный-перелатаный тёмный френч коричневого оттенка и относительно новые стёганные ватные штаны.

С виду обычный советский зэкá. Разве что френч выдавал в нём военнопленного, но скорее это делала засаленная кепка танкиста, чёрная, высокая, с большим козырьком. Да головной убор – вот фрицевская примета.

Кепку эту немец снял у двери, ещё до входного рапорта: – Военнопленный Бравен по вашему приказанию прибыл! – чётко, хотя и с заметным акцентом, отрапортовал вошедший в кабинет немец.

Сташевич головы не поднял. Он делал вид, будто изучает бумаги на столе.

Из личного дела Вальтера Бравена вытекало, что попал

в плен немец зимой сорок третьего, в Сталинграде. Будучи тяжелораненым, находился в бессознательном состоянии. Прошёл лечение в спецлазарете для военнопленных, выжил. Воевал Бравен в составе девятой отдельной штрафной роты. Согласно показаниям сослуживцев, гауптман фон Бравен был разжалован в рядовые штрафники за рукоприкладство по отношению к старшему по званию. Некий штурмбанфюрер СС²⁰ в частном разговоре упомянул павшего в сорок первом отца Вальтера, Генриха фон Бравена, без должного уважения к памяти последнего.

Дворянская приставка фон перед фамилией Вальтера исчезла тогда же. Вышеупомянутые словоохотливые сослуживцы сообщили новому русскому начальству, что, дескать, сам разжалованный фон Бравен потребовал этого. Мол, не пристало простому немецкому солдату щеголять своими аристократическими корнями.

– Честь рядового на войне порой выше иной фельдмаршальской! – не без дворянского пафоса, по словам свидетелей, отреагировал на приговор трибунала бывший гауптман, бывший командир танковой полуроты северной группировки шестой армии Паулюса.

– Присаживайтесь, Вальтер, – без показного радушия, но мягко указал Сташевич на стоящий посреди кабинета стул.

– Данке! Благодарю, гражданин капитан, – кивнул немец

²⁰ **Штурмбанфюрер СС** – звание в войсках СС (ваффен СС), соответствующее майору сухопутных войск вермахта.

и, поджав длинные ноги, уселся на предложенное место.

Для создания атмосферы доверительности в разговоре с военнопленными Сташевич сразу переходил на немецкий.

– Битте, – щелкнув кнопкой, капитан раскрыл свой «гостевой» портсигар, набитый папиросами как раз для таких случаев.

Однако «гость» отказался от ароматного курева, предложенного не за просто так. Выудив откуда-то из-за обшлага фуражки кривую самокрутку и спичку, Вальтер чиркнул ею о половинку серной полоски коробка. После того как он скромно закурил собственную сигарку, едкий вонючий дым мгновенно наполнил кабинет Сташевича. Это не был запах неба и тайги – махорку в желтой самокрутке смешали не только с куриным пометом и жжеными портянками, но и еще черт знает с чем.

Опытные товарищи как-то просветили капитана Сташевича, что махорка и табак – разные виды растений. Но не до такой же степени! Пересилив отвращение к мерзкому запаху, Андрей встал, чтобы обойти стол и непринуждённо присесть на его край. Сделал он это по старому сценарию, давно разработанному им ещё во время военной службы в Смерше. Так он поступил лишь затем, чтобы оказаться ближе к собеседнику – буквально и во всех смыслах.

– Как же так, Вальтер? – с лёгкой печалью и почти отцовской заботой в голосе осведомился капитан. – Вы ведь в Дальлаге, до перевода к нам, в стахановцах числились! Бри-

гадой передовиков производства руководили. Премии получали. До пятидесяти рублей в месяц доходило. И вдруг! На новом месте такое серьёзнейшее нарушение режима.

Слово «стахановец», похищенное из советского новояза для использования в немецкой речи, вызвало на тонких губах Бравена едва заметную мимолётную усмешку. Не слишком способные к славянской фонетике немцы старались избегать подобных инородных словечек. Даже самые отъявленные полиглоты могли произнести их лишь по складам. Что-то вроде: «Стах-хан-офес».

Бравен молчал, потягивая сигарку и глядя в пол.

– И всё-таки, Вальтер, за что вы старшину Шнитке убить пытались? – не отставал Сташевич. – Что такого он сказал или сделал?

Вальтер поднял на Андрея глаза, и тот едва не вздрогнул от неожиданности. Капитану вдруг показалось, что он уже где-то видел этот безмятежный небесно-голубой взгляд. Причём совсем недавно.

– Осмелюсь доложить, гражданин капитан, – перешёл вдруг на русский язык Бравен. – Если я кого-то хочу убить, то довожу дело до конца. Эту мразь Шнитке я лишь слегка порезал. Больно, но не смертельно. Теперь он изо всех сил постарается держаться от меня подальше.

Немец говорил по-русски весьма неплохо, хотя и с заметным акцентом.

– Такую развитую русскую речь иностранцу можно при-

обрести только одним путём: через прочитанные книги. Разумеется, в подлиннике, – заметил про себя Сташевич. Но вслух сказал иное: – А, собственно, Вальтер, вы разве не хотите поскорее вернуться домой?

Бравен машинально кивнул, а капитан продолжил наступление:

– Это вполне возможно, вы ведь не военный преступник. Только для этого рано или поздно придётся начать сотрудничать с администрацией. Разумеется, исключительно в моём лице и без малейшей огласки. Не скрою, я в этом заинтересован. Вы, Вальтер, прирождённый вожак – к вам тянутся соотечественники. Такие люди всегда и везде в центре внимания. Они в равной степени могут быть как весьма полезны, так и чрезвычайно вредны, если не сказать опасны...

Бравен в ответ лишь неопределённо пожал плечами. При этом он прекрасно понимал, подобная манера общения не может не вызвать у гражданина капитана ничего, кроме раздражения. Тем не менее Сташевич не рассердился. Наоборот, он вдруг хитровато прищурился. Ни дать ни взять киношный Ильич! То ли из мальчишеского озорства, то ли от избытка опасно-специфичного польского юмора капитан припустил картавинки в дикцию. И продолжил импровизировать, окончательно перейдя на русский:

– Отчего это вы, батенька, так вдруг возненавидели нашего главного лагерного старшину? Может, всё дело в том, что Вольдемар Шнитке убеждённый антифашист, кандидат

в члены нашей партии, а потому активно помогает администрации в идеологической перековке своих соотечественников? Верной дорогой идёт товарищ, вот вы и злобствуете! Или же дело в обычном соперничестве со старшиной Шнитке? Двух вожаков в одной стае не бывает? Банальная ревность! Я угадал? Не так ли, любезнейший?

Военнопленных по выходным и праздникам усердно пичкали киношной ленинианой. И, между прочим, ничто так не сближает людей, как доброжелательный намёк на то, что ты видишь в своём новом знакомом умного собеседника, наделённого тонким чувством юмора.

По мелькнувшей в небесно-голубых глазах Вальтера насмешливой искре Сташевич понял – его псевдотонкая психологическая игра разгадана. Как и ожидалось, Вальтер оказался законченным упрямым, к тому же весьма проницательным. Как ни крути, но по-ленински обаять его не получилось.

– И какого чёрта я перед этим немцем кривлялся? Психолог, блин. Клоун клоуном, – с досадой выругал себя Андрей. Вслух же сухо распорядился: – Можете идти в отряд, Бравен.

В ответ на вопросительный взгляд немца добавил:

– Конвой я отпустил. Вы освобождены из штрафного барака. Тем не менее расследование вашего вопиющего проступка продолжается. Подумайте о своей судьбе, Вальтер. До свиданья.

Бравен вышел из кабинета неспешно. Постоял на доща-

том крыльце здания лагерной администрации. Чуть прищурившись, взглянул на запад, в сторону садящегося солнца. Большая часть огромного темно-бордового диска уже почти скрылась за верхушками высоких серо-зелёных деревьев.

Здесь, в лагере, пахло иначе, чем в тайге. И сразу вспомнился мощный хвойный запах свежеспаваленной сосны. Вальтер ощутил лёгкое покалывание в ладонях, словно и в самом деле коснулся ими колючих веток. Он поднял воротник ватного бушлата и пошёл в сторону длинного сумрачного барака. Дневальный у входа в жилое помещение отреагировал на его появление не слишком эмоционально. Он ничего не сказал, лишь молча кивнул пришельцу да опасливо покосился вслед.

Глава восьмая. Лагерный старшина Шнитке

В кабинет к старшине Бравен вошел на следующий день после прибытия в Бирюслаг. Впрочем, какой там кабинет? Просто отдельная, переделанная из чулана каморка в бараке. Эти «хоромы» скудно освещал свет тусклой, запитанной от мазутного генератора жёлтой лампочки под газетным абажуром. Войдя внутрь этой комнатухи, Вальтер отрапортовал старшине о прибытии. Тот сидел за грубо сколоченным из ящичных досок столом с выражением собственной значимости на жутковатой старообразной физиономии. Словно морщинами, она оказалась изуродованной мельчайшими бесчисленными шрамами. На остром бледном носу старшины красовалось самодельное проволочное пенсне, исполненное лагерными умельцами.

– Проходите, гауптман! – раздвинул Шнитке в неожиданно любезной улыбке тонкие бледные губы. – Присаживайтесь.

– Я рядовой штрафной роты, да и то бывший, – буркнул Бравен. Но на предложенный табурет всё-таки присел.

– Вас, наверное, удивляет моя осведомлённость, герр барон. Но что есть, то есть, – всё с той же любезной улыбкой продолжил Шнитке.

– Спасибо, что не назвали фрайхерром²¹, господин главный лагерный старшина. В этих стенах такое обращение более чем уместно, – с кривой ухмылкой съязвил в ответ Вальтер.

– В этих стенах, – обвёл рукой Шнитке узкие пределы своих владений, – вы, Вальтер, можете обращаться ко мне по воинскому званию. Тем более что мы были фактически в одном. По документам я бывший оберфельфебель, но в душе остаюсь офицером. Как и вы, Вальтер, я командовал ротой в чине гауптмана. В моём подчинении находилось почти две сотни солдат.

– Чего вы хотите, Шнитке? – Бравен довольно грубо прервал чрезмерные откровения своего визави.

Двумя пальцами старшина аккуратно снял пенсне с бледной хрящеватой переносицы. Утомлённо вздохнув, он принялся протирать стёкла чистой белой тряпицей.

– Ох уж эти аристократы... Голубая кровь! Все как один несносные строптивцы, – пробурчал он при этом с показным благодушием. Ни дать ни взять – старый добрый ворчливый бюргер.

Внезапным резким движением Шнитке вернул пенсне на место и уставился на Вальтера холодными стеклянными кругляшами. И без того бледное лицо старшины стало совсем белым. Многочисленные шрамы посинели, а рот искривился в брезгливой гримасе.

²¹ **Фрайхерр** (нем.) – обращение к барону, дословно свободный господин.

– Вы нужны мне, Бравен! – почти прошипел он. – Человек, который среди всех этих так называемых соотечественников... Человек, который сумел сохранить достоинство немца и честь истинного арийца – такой человек сейчас в особой цене!

Бравену оставалось только хмыкнуть, что он и сделал.

– Это приметы прирождённого вожака! Ваши люди, почти сотня вновь прибывших из Дальлага немецких солдат, нам очень пригодятся. Вливайтесь в наши ряды. Может показаться, что я стелюсь перед русскими с целью выжить! Но нет! Это не так! Как говорится, найн, найн унд найн! Вернее, выжить – это не самоцель! Такие, как мы с вами, должны вернуться в нашу изнасилованную Отчизну! Возвратиться и начать всё заново! Во имя великой идеи! Во имя нации!

«Да он просто больной! – с некоторым разочарованием подумал Бравен. – Типичный фанатик. На фронте я достаточно насмотрелся на таких шизоидов».

Меж тем, словно таёжный глухарь в брачный период, Шнитке продолжал токовать:

– Добиться настоящей власти можно даже в аду среди чертей. Для этого нужен лишь сильный характер плюс мозги. И ещё информированность. Знание подноготной всех и каждого, вплоть до самого последнего нечистого. Мне удалось приручить звероподобного начальника нашего лагеря. Через этого тупого медведя я получил доступ к нужной информации. Пришлось долгими часами изучать сотни досье

на всех нынешних и вновь прибывающих военнопленных. Постепенно я завербовал целую сеть единиц, работающих в первую очередь на меня. Таковых многие десятки. С их помощью я поддерживаю в лагере идеальный порядок. Русские это ценят и безоговорочно мне доверяют. По возвращении в Германию многие из этих людей станут костяком нашей новой организации. Но сейчас мне жизненно необходим верный и преданный помощник, человек со стальным стержнем внутри. Станьте нашим соратником, Вальтер. Соглашайтесь, и вот вам моя рука!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.